

ПРОСПЕР МЕРИМЕ КАК ПЕРЕВОДЧИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА*

В XIX веке французским писателем П. Мериме были осуществлены переводы фантастических произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева. Адекватные художественные переводы познакомили европейского читателя с материалами русской прозы, Мериме, открыли дорогу русским авторам в мировую литературу.

Ключевые слова: фантастическое, реальное, ирреальное, реалистическая фантастика, инобытие.

П. Мериме в раннем периоде творчества было свойственно «готическое», мистическое сознание, характерное для западноевропейской литературы. По свидетельству французского исследователя А. Монго, фантастические произведения А.С. Пушкина и его последователей привлекали внимание Мериме, прежде всего, своей реалистической направленностью, психологической мотивацией [1]. Несмотря на отличие творческих позиций, Мериме как реалист верно схватывает пушкинскую концепцию фантастического и передает ее в своих переводах. Переводчика привлекают такие фантастические произведения Пушкина, как стихотворения «Гусар», «Анчар», рассказ «Выстрел», повесть «Пиковая дама». Показывая идеальный и реальный мир, французский новеллист выделяет в этих произведениях глубину содержательной части, выраженной с помощью такого романтического средства, как фантастика. Например, в «Гусаре» мы видим ироническое в двойном освещении: полуправды и полувывымысла, сна – бреда. В «Анчаре» все по сюжету горизонтально. Метафизические ступени вертикальной иерархии к Богу сменяются реальными, физическими, где Богу места уже не оставлено. Умиравший раб готов принести яд, по воле царя-владыки, даже ценой собственной жизни – такова мотивация действий и переживаний пушкинского героя. Мериме передает это в своем переводе.

В поэме «Цыганы» характер главного героя Алеко предстает в фантастическом виде при сопоставлении с необычным, «странным» обликом старого цыгана. Мериме придает реальному объяснению поступков психологическое напряжение, ирреальный оттенок. В рассказе «Выстрел» характеры, реалистичны, действия героев имеют естественное объяснение. Однако «таинственный» образ Сильвио, переходя грань реального, становится фантастическим. Сильвио испытывает судьбу в дуэли с графом и в первый, и второй раз. Но погибает не там и не тут, а в Греции от турецкой пули. Пушкин разрабатывает завуалированную фантастику, выражая психологическую правду о человеке. Мотивация поступков возникает благодаря предчувствиям, интуиции. В переводах Мериме это показывается адекватно.

В повести «Пиковая дама» Пушкин изображает покойную графиню, которая лежит в гробу, как живая. Писатель допускает мысль о призраках и в то же время о галлюцинации Германа. В переводе Мериме рационализм и безумие пушкинского героя образуют единство, Германн обладает реальным ощущением ирреального. Переводя это произведение, Мериме использует эле-

* © Золотарев И.Л.

менты «готического» сознания, «черного» романа с его атмосферой тайны и страха. Местом совершения событий выступает замкнутое пространство, в данном случае – комната с гробом покойницы-графини. Воссоздание обстановки в пушкинской повести реально, обычно в своей простоте, но существует в накале эмоций, страстей. Мериме тонко ощущает ситуацию, когда соотношение фантастического и реального разрушено, подчеркивая в переводе характерное для «черного» романа западноевропейских романтиков. В то же время Мериме идет на выявление причинных связей между героем и судьбой, усиливая их реальность. Переводчик действует в духе авторов – писателей-реалистов, которые основательно проникают в закономерности Вселенной и психику человека. Реалистическая фантастика привлекает Мериме как воплощение личностной точки зрения на объективное познание психологии, проникновение в сознание и поступки героя. Выявляя интерес к «странным» фактам, природным явлениям, Мериме вместе с Пушкиным выставляет на читательский суд фантазмагорию реального и инобытийного, придавая бытовому плану космические масштабы.

Не будучи поэтом, Мериме переводит прозой стихотворения «Гусар», «Анчар», поэму «Цыганы». В таком случае теряется живая народная речь, но сохраняется сила философских обобщений. Любопытно, что в переводе «Пиковой дамы» комментарии у Мериме следуют почти на каждой странице, помогая понимать смысл произведения. В некоторых случаях Мериме вносит в пушкинский текст собственные изменения, усиливая изобразительность.

Вот пример такой трансформации.

А.С. Пушкин. Муж графини «начисто отказался платить».

П. Мериме. Добавляя. И, от удивления – «подпрыгнул до потолка».

Однако, по мнению французского исследователя М. Партюрье, неточностей у Мериме не так уж и много [2]. Они возникают из-за несоответствий языков. Купюры производятся для удаления жаргона, усиления ритма. В основном же перевод фантастического в «Пиковой даме», как и в других произведениях Пушкина, осуществлен адекватно.

Вот примеры адекватности перевода с некоторыми трансформациями (индивидуальной и узуальной).

«Пиковая дама». А.С. Пушкин. «Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье» [3].

П. Мериме. «La porte s'ouvrit et une femme vêtue de blanc s'avança dans sa chambre». Добавление.

«Гусар» А.С. Пушкин. «И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула»

П. Мериме. «Aussitôt à cheval sur un balai elle enfile le tuyau de la cheminée et bonsoir! la voilà partie». Грамматическая трансформация-замена.

Грамматическая трансформация-замена.

«Анчар». А.С. Пушкин. «И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом».

Грамматическая трансформация – замена.

П. Мериме. Il part sans hésiter, et le lendemain il rapporte le poison.

В поэзии наследника пушкинских традиций Лермонтова Мериме видит демонизм, борьбу против «захваченности» человека демоническими, инобытийными силами, при опоре на божественный Абсолют. «Мцыри» – поэма, где выяснены не просто жизненные принципы человека. Герой поэмы – Мцыри (монах, послушник) стремится вырваться на свободу. Слова «божество», «бог» связаны у поэта не с религиозной сферой, смысл слова «мцыри» передается как понятие мира темницы, несвободы из-за предопределенности судьбы, как символ человека в вечном плену демонических сил. Мериме воссоздает образ не конкретного содержания, а поэтическую реальность.

Действие поэмы происходит в «таинственном», фантастическом мире. В своем переводе Мериме отображает картину инобытия, перенося рассказ вслед за автором оригинала на высокую вневременную волну. Мериме сохраняет лермонтовский мотив рока, губящего героя. Герой у переводчика также выступает против насилия, вмешательства ирреальных сил в судьбу. Герой гибнет, не найдя пути в родную страну, и Мериме в своем переводе прославляет его мощную волю, борьбу, несмотря на гибель. Образ Мцыри – это порыв души, неодолимый зов природы. «Родина» для него – знак абсолютной свободы даже от рока, судьбы, предопределенных ему природной стихией.

Лермонтов применяет фантастическое для изображения героя, который борется с мятежными, демоническими силами, препятствующими обретению «рая». Борьба с демонизмом становится главным мотивом творчества поэта. «Рай» в небесном мире, ради которого происходит самовыражение героя во имя богоравной, божественно одухотворенной свободы, рождает в нем мятежные страсти.

Вот пример перевода Мериме.

*«Мцыри» М.Ю. Лермонтов. «Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок [...]
Ее серебристый голосок
Мне речи страстные шептал [...]
Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной.
В воде привольное житье
И холод и покой» [4].*

В переводе Мериме: «Elle frétilait au-dessus de ma tête, et le regard de ses yeux verts était mélancolique, tendre et profond. Je ne pouvais assez m'étonner. Sa petite voix argentine me murmurait des discours étranges. Elle chantait, puis se taisait et chantait encore. Elle me disait; «Enfant, reste ici avec moi, dans l'eau et la vie libre le frais et le repos».

В отрывке из поэмы, переводимой прозой, Мериме перестраивает синтаксис соответственно нормам французского языка – с прямым порядком слов. Следует переводческая трансформация: «рыбка» Лермонтова становится у Мериме «форелью». Синонимическим рядом из четырех существительных: «вода, свободная жизнь, холод, покой», – переводчик добивается выразительности изображения фантастического, сохраняя «нерв» оригинала с его фантастической ирреальностью.

Французский исследователь А. Монго подчеркивает, что в своем переводе гоголевской комедии «Ревизор» Мериме выделяет уникальность стиля, восхищается русским языком. Если в «Вие» Мериме видит знакомую ему явную мистическую окрашенность, то в реализме «Ревизора» переводчик ощущает завуалированность мистического и подчеркивает это в своем переводе.

«Ревизор». Н.В. Гоголь. Городничий. «И я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Правда, этих я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, понюхали – и пошли прочь» [5].

П.Мериме. Le Gouverneur. J'en avais comme un pressentiment. Cette nuit je n'ai fait que rêver de deux rats extraordinaires. Je n'en ai jamais vu de pareils... noirs... et d'une taille!.. ils sont venus... ils flairaient... puis ils sont partis».

Ревизоры – мнимый и реальный – предстают у городничего в образе двух огромных черных крыс. Мериме находит в своем языке нужные эквиваленты для создания нереальной картины возможных неприятных событий в реальном будущем. Лексика в тексте сохранена, количество фраз тоже, динамизм гоголевской прозы передан через ее ритм и интонацию. Специфика переведенного отрывка выражает «странную» атмосферу комедии. Мериме как бы переносит идеи фантастического «Вия» в свой реальный перевод «Ревизора», ненавязчиво, как и Гоголь, воспроизводя картину «захваченности» героя комедии мистическими силами.

В «Ревизоре» мнимый высокий чиновник из Петербурга наводит ужас на чиновников уездного города. В «Вие» мистические силы убивают Хому Брута. Таким «запасом» мистического сознания, фантастического как средств познания и выразительности при переводе «Ревизора» владеет Мериме.

Оба писателя хорошо ориентируются в мире фантастического, пользуясь приемами романтизации, то есть обновления реализма. Фантастическое было всегда верным инновационным средством, воссоздающим в художественном мире распознавание всего того, что прежде не расшифровывалось Разумом. За конечным ощущается бесконечное, за реальным миром у Гоголя угадывается ирреальный мир. Он становится еще дороже из-за присутствия в нем божественного духа, в котором злу у Гоголя противостоит смех – в реальном мире и вера в высшее божественное начало – в духовном плане. Мериме как переводчик тонко ощущает исключительность вмешательства сверхъестественных сил в реалистическое пространство комедии, создавая путаницу в социальной иерархии.

Еще одна важная особенность перевода Мериме фантастики «Ревизора» состоит в том, что французский новеллист, как и автор оригинала, исходит из представления о двух противоположных началах – божественном и дьявольском. Фольклорно-мифологическая амбивалентность злой ирреальной силы – это особое явление в фантастике, возможно, завуалированное в образе Хлестакова, который как бы демонически вмешивается в патриархальный уклад уездного города. Выражая крайнюю степень романтизации, Мериме как переводчик четко следует за оригиналом.

Вот фантастическое в контексте произведения и переводе с некоторыми индивидуальными трансформациями.

«Ревизор». Н.В. Гоголь. «Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер: [...] «Какой-то странный со мной случай: в дороге совершенно издержался».

П.Мериме. On dit que je suis un original, mais, moi, j'ai mes idées <...> Il m'arrive une drôle d'aventure. L'ai été retenu très longtemps en voyage» [6].

Однако Мериме не всегда удается сохранить адекватность перевода. «Странный случай» – Гоголь акцентирует, Мериме нейтрализует. «Странный характер» он переводит словом «оригинал», находя свой индивидуальный эквивалент. «Изддержался» – не найден эквивалент.

В творчестве И.С. Тургенева Мериме согласует свои переводы с идеей полной «захваченности» человека ирреальными силами. Это происходит в «студийной», экспериментальной фантастике (повесть «Призраки», рассказы «Собака», «Странная история»). В русской фантастике переводчик усматривает философскую, историческую, социологическую и генетическую мотивацию. Анализ духовного бытия связан с решением философских, антропологических и религиозно-этических проблем. Мериме в фантастике Тургенева, по сравнению с фантастикой его предшественников, видит обновленную концепцию фантастического. Особенности сферы «таинственного» и способы его художественного воплощения расцениваются переводчиком как свидетельство засилия злых инобытийных сил. Мериме во многом разделяет эстетические принципы Тургенева, заявляющего о праве писателя-реалиста обращаться к психологически сложному, даже болезненному в человеке, показывая это в своих «таинственных повестях».

Контекст суждений Тургенева по эстетике свидетельствует, что «студийность» является у писателя признаком не жанра, а, скорее, творческого метода и означает художественное исследование «странных», необъяснимых фактов в психике, поведении человека, его мироотношении, способом постижения которых может быть фантастическое. Динамика внутренних психологических сил, неосознаваемые комплексы несут в себе угрозу личностному благу; не соответствуя нормальному восприятию себя, они вытесняются из памяти. Такое вытеснение не дает возможности активно воспринимать эмоцию, веру, религию. Цель «экспериментальной» фантастики – разрешить внутриличностные конфликты, создать механизмы психической защиты человека.

«Студийность» помогает личности осознавать свои реакции и переносимые чувства, прояснить скрытые тревоги и страхи. Изображая реальных героев в реальной действительности, Тургенев с помощью «студийности» исследует различные психические состояния героев, испытывающих влияние инобытийных сил, что помогает литературе освободить человека от фобий, комплексов.

Личная дружба с Тургеневым, интерес к русскому языку, русской литературе, культуре позволяют Мериме при переводе глубже проникать в фантастические произведения русского писателя, переводить их адекватно.

Вот фантастическое описание Эллис из повести «Призраки».

И.С. Тургенев. «Спустия немного я заснул – или мне показалось, что я заснул. Мне привиделся необыкновенный сон. Мне чудилось, что я лежу в моей спальне, на моей постели – и не сплю и даже глаз не могу закрыть. Вот опять раздается звук <...> Передо мной, как сквозь туман, неподвижно стоит белая женщина» [7].

П. Мериме. «Enfin je m'endormis, ou je crus m'endormir. J'avais des rêves étranges. Je m'étonnais de me trouver couché dans ma chambre, dans mon lit... Sans pouvoir fermer les yeux. –Encore le même bruit! <...> Debout devant moi,

transparente comme un brouillard, se dresse une figure blanche de femmel» [].

Грамматическая трансформация: замена, перестановки. Мериме строго следует тексту Тургенева, преобразуя текст по нормам своего языка, в котором безличные предложения становятся личными, выдерживая план настоящего. В последней фразе переводчик сохраняет инверсию, не нарушая членения ее частей. Перевод «я удивлялся» вместо «мне привидилось» несколько теряет оттенок необъяснимости, «таинственности». В общем переводы Мериме адекватны, выполнены на основе переводческих трансформаций, типологических и индивидуальных соответствий в лексике, грамматике и стиле.

Итак, в А.С. Пушкине Мериме сумел разглядеть родоначальника нового направления – реалистической фантастики. Через свои переводы произведений наследников пушкинских традиций М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева Мериме прослеживает эволюцию русских писателей-реалистов в области фантастического. Мериме видит, что в исследовании внутреннего мира, психологии и психики человека русская литература способствует развитию реализма как творческого метода. Французский новеллист проводит мысль о том, что русская реалистическая фантастика проходит путь от мотивации и фольклорно-мифологической фантастики до фантастики «экспериментальной», показывающей необъяснимые психические явления в человеке и вне человека в реальном и инобытийном мире.

В прозе 1830-х–1880 годов интерес и фантастическому оборачивается использованием отчасти немотивированной фантастики для художественного постижения того, что еще не было освоено сознанием. Русские писатели-реалисты, а с ними их коллега и переводчик П. Мериме, давая толчок к изучению неоткрытых законов природы и явлений в естественной, психической жизни человека, предвосхищают своей реалистической фантастикой многие научные открытия. Добиваясь адекватности своих переводов, Мериме много и разносторонне работает над текстом. Проникаясь эстетическими идеалами русских писателей-реалистов, он создает высокохудожественные переводы русских авторов, востребованные временем.

Взаимные литературные связи русских писателей-реалистов XIX века и их коллеги и переводчика П. Мериме, став фактом глубокого межнационального общения, и поныне служат усилению русско-французских литературных связей, сближению народов, взаимному обогащению культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mongault H. Introduction. – Mérimée P. Oeuvres complètes. – P., 1937. – t. I. P. LXXV.
2. Parturies M. Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniev // Une amitié littéraire. – P., 1952. – P. 132-133.
3. Кирнозе З.И. Мериме-Пушкин. – М., 1987. – С. 253, 284, 317, 318, 416.
4. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х Т. – М., 1976. – Т. 2. – С. 95-96.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7-ми Т. – М., 1967. – Т. 4. – С. 65-66. – Т. 4. – С. 9.
6. Mérimée P. Etudes de littérature russe. – Paris, 1932. -Volume 1. – P. 56. 144.
7. Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12-ти Т. – М., 1978. – Т. 7. – С. 7.
8. Tourguéniev. Apparitions. – Paris: Mille et une nuits, 1994. – P. 7.

I. ZOLOTAREV

P.MERIMEÉ AS A TRANSLATOR OF RUSSIAN WRITERS FANTASTIC
WORKS OF THE 19TH CENTURY

In the 19th century the French writer P.Merimeé translated fantastic works of A.S. Pushkin, M.Y.Lermontov, N.V.Gogol, I.S.Turgenev. Merimeé's adequate artistic translations introduced to European readers the masters of the Russian poetry and prose, opened the road to the world literature to Russian writers.

Key words: fantastic, real, unreal, a realistic fantasy.